

На севере, вследствие тех же свойств народа, образовалась неограниченная монархия — деспотия. У казачества возникнуть она не могла.

Уже из этих только данных видно, какая пропасть лежала между жителями севера — великороссами и юга — казаками.

Существовало два мира с совершенно разными, противоположными душевными свойствами, с разным укладом жизни. У казачества создалось свое мировоззрение свое собственное „Я“ и свои политические идеалы. У него не мог возникнуть иной политический строй, как народоправство. Он соответствовал душевным свойствам казаков.

В Северной Америке, например, не могла возникнуть монархия. Она пошла по средней демократической линии, дала своему народу широкую свободу и стала одной из самых могущественных стран в мире.

Англия же была и осталась монархией с глубоко демократическим устройством и является еще и сейчас для многих образцом свободы, и это не помешало ей стать владычицей морей.

А Россия?

В удельно вечаевой период у нея была жестокая анархия — княжеская. Понадобилось трехсотлетнее татарское иго, чтобы остановить эту анархию и сколотить московское царство. Но те же татары передали ему деспотический строй, единую неограниченную власть.

И замечательно то, что только после жестокой бесчеловечной тирании Ивана Грозного московское государство стало царством; после не менее жестокой, ни перед чем не останавливавшейся власти Петра — Империей.

Наконец самодержавие рухнуло. Пришла свобода. И что же произошло, что она дала, как использовал ее русский народ? Наступила небывалая анархия и уже не княжеская, а народная. Пришла еще более худшая власть, нежели татарское иго. Снова в России установилась деспотия. Грозные повелители России опирались на бояр, потом на дворян — на класс, — теперь на „пролетариат“. В деспотии вырос и воспитался русский народ, с деспотией живет и неизвестно еще, как долго будет жить в ней.

Поднявшись деспотия, русский народ сам приобрел деспотические навыки.

Захватив многочисленные народы, он стал по отношению к ним тем же деспотом каким были по отношению к нему его владыки.

Таковы свойства великорусского племени. Оно терпеливо сносит любую тиранию, но, освободившись от нее, становится само тираном.

Воспользовавшись правом революции, часть народон отошла от России и зажила самостоятельной жизнью. Те, кто не в состоянии перенести новую тиранию, готовятся отойти от нее. Среди них находится в казачьи. Русский народ (великороссы) не мог мириться с казачьей свободой. Чтобы отнять ее, Петр залил Дон и Запорожье кровью.

Казаки понимали, что сохранить свои идеалы, свое Я, свое политическое устройство, свободу и равенство можно было только при неизменном существовании. Поэтому то они и боролись за него и положили за это множество своих жизней. Остатки казаков были покорены. Началось долгое, часто насильственное „освоение“ их великороссами. Но, не смогли и за двести лет переделать, их перевоспитать. Казаки остались казаками. Душевные свойства, выработанные веками, так глубоко вкоренились в них, что русский народ бессилен был разрушить их.

Вернув свободу, казаки употребили ее на свое благо. И теперь, как и при Петре, они прекрасно понимают, что сохранить ее, сохранить свое Я, провести в жизнь свои политические идеалы можно только при самостоятельном государственном существовании. И казаки стали бороться за него. Но Москва и на этот раз не могла примириться со свободой казаков и на этот раз, под руководством Ленина, залила казачьи края кровью, уничтожила огромное количество населения*), разорвала на части и раздала их в соседние свои губернии, переименовала станицы в волости, уничтожила и самое имя казак.

Великорусский народ держит себя в Казачьих Краях, как завоеватель, захватив земли и власть в свои руки. Нигде так не процветали тиранические его свойства, как именно в казачьих Краях. Теперь уже стал вопрос не о постепенном „освоении“, не о расхождении Казачества, как было при монархии, а о полном уничтожении, полной ликвидации казачества. Это — вопрос жизни и смерти.

Вот почему возродилось Вольное Казачество. Оно решило бороться за свою жизнь, за свои права, за свое святая святых — свободу.

*) См. статьи И. Билого в „В. К.“ №№ 19—23.

Шамба Балинов.

Думы вслух...

... „Одно только мы знаем на в е р н о: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины — она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних“... (Вл. Соловьев — Сборн. соч., т. V).

... Бить их надо... Это будет не война, а войнишка... Корпус сюда, корпус туда и все (народы, входящие в СССР) подождут хвосты и успокоятся“... (Из речи русского человека на публичном докладе В. Я. Гуревича по национальному вопросу в Праге).

Когда год тому назад вышел первый номер журнала „В. К.“ какой великий крик подняла тогда вся эмигрантская русская печать. И „историк“, и „социолог“, и просто „политик“, все они единым дружным хором закричали: Распни его, распни! Много ученых слов го-

ворилось; предположения, догадки, затейливые и „глубокомысленные“ — слышались они, выбрасывались один за другим. А по существу? По существу ни одного серьезного подхода к течению „Вольного Казачества“, ни одной серьезной попытки разобратся в истинных настроениях, чаяниях казаков, в эмиграции сущих, и созвучных с чаяниями тех, кто в Родных Краях доживают „полную чашу великого горя“.

Но, особенно старались, из кожи лезли вон, казачьи „ар-деки“ (казачьи республиканцы-демократы из Милковского лагеря à la Харламов), преусердно находившие и публиковавшие всевозможные „протесты“ и много страниц своего журнала погубившие для доказательства того положения, что „В. К.“ ничего общего с Казачеством не имеет, что Казаки, мол, против него в истинными выразителями подлинных желаний Казачества являемся, мол, мы. Но действительность упрямо не соглашалась с их самоуверенными утверждениями. „В. К.“ оказалось не только не чуждым казакам, но как раз наоборот: оно стало самым близким, родным казачьей массе, отвечающим ее насущным интересам, чаяниям, интерес казачья к нему растет и захватывает широкие круги казачьей интеллигенции.

И это вполне понятно, ибо казаки поняли и должны были рано или поздно понять — где и в чем возрождение Казачества, откуда идет духовная и полити-

ческая смерть Кавачества. Теперь демагогическими выкриками (вроде: „расчленителя России“) казаков не тронешь, ибо ни для кого не секрет, (о том знают и казаки, и не казаки в том виноваты), что России уже лет. Об этом верно и красочно пишет один русский же журнал: „Россия сейчас нет ни у нас, оставшихся на свободе, ни у несчастных, забытых Богом и преданных культурным человечеством пленников Совдепии! Россия вся расстрочена с изуверской жестокостью бесноватыми идеологами III Интернационала на их коммунистический опыт. Вся Россия — ее территории, ее народы, ее население, ее земли и недра, ее достояние, весь живой и мертвый инвентарь огромного государственного организма, плоть и кровь, душа и дух, счастье и страдания народные — все пошло на слом, все брошено в котел дьявольского эксперимента“... („Борьба за Россию“, М, 71).

А наши „русские казаки“, чтобы доказать свой „патриотизм“ и свои любовь к русскому народу, твердят, что все в порядке, что русский народ через великие страдания идет к величайшему своему будущему, только, мол, не мешайте ему выстрадать до конца.

Какой странный патриотизм, какая странная любовь к „своему народу“! По определению Вл. Соловьева, „истинный патриотизм требует, чтобы мы верили в свой народ, а истинная вера соединена с бессстрашием: нельзя верить во что-нибудь и бояться за предмет своей веры... Истинный патриотизм требует, чтобы мы любили свой народ, а истинная любовь сочувствует действительным потребностям, сострадает действительным бедствиям тех, кого мы любим... Патриотизм требует, чтобы мы хотели действительно, а практически помочь своему народу в его бедах, не дожидаясь, чтобы помощь пришла сама собою... Истинная любовь сама собою действительна“...

А нынешнее „патриотизм“ из-за боязни воображаемого расчленения несуществующей России принимают действительное духовное и физическое убийство народов СССР, т. е., желают продолжения ужасных страданий народов под властью большевиков, лишь бы тешить себя фразеологией „Большой России“.

Они говорят — мы патриоты, но потребность народов избавиться от большевиков не действительна; мы патриоты, но практическую помощь народам СССР отвергаем, мы ждем, „чтобы помощь пришла сама собою“; мы любим свой народ, но действовать не хотим. —

Не из-за этой ли пустоцветной, бесплодной любви к народу происходят все наши несчастья? Любят ли Россию вообще, без прилагательного, те, которые кричат о „расчленении России“? Ведь все они любят и жаждут только свою Россию: эр-дековскую, эс-эровскую, эс-даковскую и т. д. И не за торжество ли этой своей России каждая партия готова без конца предоставлять народам страдать?

Недавно одна русская женщина (Е. Кускова) посмела об этом написать на страницах „П. Н.“ — „Нет, любви к истине у нас нет... У нас всегда было множество истин, правая, левая, монархическая и социалистическая, истина красная, истина белая, истина галлиполисская, истина советская“... Там же эта женщина с восхищением пересказывает, как в день десятилетия республики Чехословакии, смотря на карту своего государства, чехословаки, блещая глазами, вдохновенно вторгались: „*Malá, ale naša*“, — *мала, но наша!*

Но когда представители отдельных народов, борющихся за свои национальные права до последней возможности, ныне ставят себе такую же цель освобождения своих народов от большевицкого рабства, то та же самая женщина с ненавистью говорит: — предатели, расчленители!

Отчего же такая различная мерва, такое различное отношение к народам?

Нет, любви к истине у нас нет!.

... „Большевиизм совсем не большевики, но нечто гораздо более сложное и прежде всего гораздо более свое, чем они (царские генералы). Было ясно, что большевиизм — это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. Это русские „могилы

на бекрень“ и „исповедь горячего сердца вверх пятаями“; это исконное русское „ничего не хочу и ничего не желаю“; это дикое „улюлюканье“ наших борзятников, культурнический нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискательство героев Достоевского. Было ясно, что большевиизм — одна из глубочайших стихий русской; не только ее болезнь, ее преступление“... (Ф. Степун. Мысли о России, „Современные Записки“, М, 14).

Одним словом, большевиизм — русская душа на распашку, ищущая на земле „последней правды“, любящая „глубокие паделия и высокие подьемы“, питающая органическую ненависть к мешанской „герани“, присущей другим народам.

А сколько было нападок, возмущений по адресу тех, кто осмеливался еще раньше высказывать ту же истину! А эта истина вытекала из простого факта: ни один из народов, ныне входящих в СССР, добровольно не принял большевиизма, а только русский (великорусский) народ не только добровольно принял советскую власть, но своей многомиллионной массой оказал помощь в ее распространении на другие народы, борившиеся против нее до последней возможности. Даже я теперь, после одиннадцати лет страшного опыта, этот народ все еще размышляет — менять ли советскую власть на какую либо другую? А может придет еще худшая? Но все другие народы в этом случае никогда не размышляли и не размышляют, твердо зная, что хуже не будет.

Представители многомиллионного русского (великорусского) народа могут не бояться большевицких опытов, могут позволять себе роскошь искания „последней правды“, жертвуя за это миллионами человеческих жизней, ибо они знают, что какие бы опыты над телом и духом русского народа не производились, как бы долго это не продолжалось, народ этот был и будет. А человеческая жизнь у него давно котируется дешево.

Но вытекает ли отсюда, чтобы и представители других народов следовали за ним, вместе с ним падали и поднимались? Ведь кажное „падение“ русского народа для других народов обходится слишком дорого, как и „подъем“ русского народа обходится им не дешево. Всем ли народам СССР доступна такая роскошь? Что станется с этими народами после подобных „валетов“ и „падений“? Не открывается ли отсюда бездонная, зияющая пропасть — трагедия для многих „не-великих“ народов, не исключая и Кавачества?

В эмиграции стало признаком политической „благовоспитанности“, *bon ton*’ом, задавать вопрос: с чем идти в Россию? А когда отвечают: бороться, бить большевиков, то отвечающие почитаются одержимыми, вроде как бы безумными. Потому что „умные“ люди, знающие „душу“ русского народа, говорят, что русский народ большевиизм и большевики не считает абсолютным злом, а относительным. Например, большевиизм — зло в сравнении с эр-деками, но большевиизм — благо в сравнении с „борьбистами“, „непредрешенцами“. Если, мол, последние сунутся против большевиков, то русский народ, как оляг, станет за своих большевиков.

Так, не переставая, лещают оракулы из эмиграции, но этому еще позволительно было и не совсем верить. Однако, недавно московский единомышленник эр-деков на страницах „П. Н.“ подтвердил это: мы вам (эмигрантам) не только не верим, но и боимся все больше наших коммунистических врагов“. Так ясно и определенно выявляют русские свое отношение к большевику: они не худшие, при том наши... Недавно г-жа Кускова в своей статье печаловалась, что у русских в настоящее время нет оживляющей, возрождающей идеи, а идея свержения большевиков сама по себе недостаточна, не одушевляет, потому что большевики все же свои „наши“, и при том — не самые худшие.

Но, есть ли хоть один народ, кроме русского, в СССР так к большевику относящийся? Категорически можно утверждать — нет! У этих народов одна цель, одна мысль, одна задача — каким угодно путем, какой угодно ценой избавиться от большевиков. Это для них вопрос жизни и смерти. Поэтому у этих народов совершенно другое отношение к своей эмиграции. Нет почти

ни одного письма, где бы они с тоской и надеждой не спрашивали — когда же вернетесь, когда кончится ваш отпуск? Казак с Дона пишет Донскому Атаману: ... „Нас немного, во... С нами сотрудничают и недовольны... Однако, сделали мы мало, потому что не имеем ни средств, ни знания того, каково отношение к большевикам со стороны иностранцев и когда и на какую помощь мы можем рассчитывать. Обращаясь к вам, как нашему Атаману, мы просим у вас... Сохранилась ли казачья сила за границей и что делается для того, чтобы ускорить час соединения с нами на Дону“... (Письмо с Дона Донскому Атаману, „Казачий Вестник“, № 16—17).

... „Вся политика казачья сводится к одному: как же все силы и когда свалят эту проклятую власть?“ (Письмо из Дона, „К. В.“, № 10).

Как различно относятся к большевикам и какая разница в целях? „Деловое“ молодое русское поколение желает вымирания старого русского поколения и радуется, когда какой-нибудь старый русский деятель умирает, чтобы без них створиться с наследниками старых большевиков (Н. Кускова — „Об идейных финтифлюшках“, „Последние Новости“), а казаки ждут не дождутся своего старого поколения, чтобы вместе с ним бороться с большевиками и вместе с ним строить свой Казачий Дом.

И, несмотря на такие вопли казаков, казацки „ардеки“, верные своему вождю, изо дня в день твердят: ждите, терпеливо выносите все страдания, авось, большевики сами падут. Тогда мы придем и наставим вас на праведный путь.

А срок падения большевиков московский их единомышленник отводит довольно далеко:... „Когда окончится кровавый антракт, русский мужик потребует (?) власти, и его мужественные представители (?) возьмут эту власть. Тогда эмигранты (в то же время будут уже дети эмигрантов), после долгих мытарств по консульствам, смогут, как ни будь, пробраться к своим родным местам“... (Письмо москвича, „П. К.“, № 2782).

А московский асар этот срок отводит еще дальше:... „Ни намека, ни следующего за нами поколения не, вероятно, не увидит никакой свободы, даже самой, казалось бы, элементарной свободы печати. Но все же Россия такой ценой, может быть только такой ценой — идет к европеизации и социализации... Истории может и оправдать большевиков, если ценой временного отказа от демократии — пусть затянувшегося на ряд десятилетий, — ценой гибели „верхушечной“ рафинированной культуры, будет все таки достигнута поголовная грамотность и образованность всего населения в объеме хотя бы четырех классов“... („Дни“, № 9, корреспонд. из Сов. России).

Так верно и открыто высказывают отношение к большевикам русского народа русские же люди, ныне живущие под властью большевиков. Одни готовы благодарить большевиков, если их владычество в течение „ряда десятилетий“ будет способствовать переходу власти в руки „мужественных представителей“ (р.-д?) мужика. Другие готовы благодарить большевиков, если их издевательство над душой и совестью народов будет способствовать приближению России „к социализации и европеизации“.

Но могут ли представители Казачества и других народов с такой спокойной совестью относиться к злодеяниям большевиков, к действительно неслыханным страданиям своих народов во имя когда то грядущей „последней правды“ и „социализации“?

Одно, два поколения... „Ни намека, ни следующего за нами поколения“... „Ряд десятилетий“... Стоит и очень стоит над этими фразами задуматься казикам. Поколение обычно считается в 20 лет. Два поколения — значит 40 лет. Считая, что сорок лет для истории — один миг, казачья р.-д. примирится с владычеством большевиков на этот срок, отвергают всякую активную борьбу, и рекомендуют казакам ждать, пока большевики сами падут, а там, мол, возродится „Свободная Россия, а в ней Свободное Казачество“. Но это — или не-

понятное заблуждение, непростительная наивность, или ложь и обман.

Что значит для Казачества еще 30—40 лет владычества большевиков? Это значит уничтожение и исчезновение Казачества! Тогда казачья р.-д. будут говорить не в качестве казаков, а только в качестве просто р.-д. Возражения, что царская власть в течении трехсот лет не смогла уничтожить Казачества, только такие и большевики в течении нескольких десятилетий не сумеют уничтожить его — будет натяжкой, извращением исторических фактов. Совершенно различны условия жизни и природа той и другой власти.

Правда, Петр I убил казачью вольность, пустил „в раскол“ много казачьих голов, но затем императорское правительство не ставило себе целью физическое уничтожение Казачества, а лишь пыталось постепенно поменять внутреннее содержание Казачества, его сущность новым, ему угодным, содержанием. Мало того, оно для своих целей „ласкало“, „берегло“ казаков-„казачков“, а под этим покровом, не умирая, гледа бессмертная идея казачьей вольности, которая при первом же свежем дуновении загорелась ярким пламенем и Казачество „восстановило себя“.

Задача советской власти всем казакам абсолютно известна, и именно: духовно и физически уничтожить Казачество, с корнем истребить этот „дьявол рода человеческого“. В выполнении этой своей цели большевики (опять таки это всем казакам известно) неумолимо последовательны: лучших казаков убивают, высылают, высылают в чужие края; остающихся на своих местах всячески давят, преследуют, создают для них невыносимое для жизни положение, подвергают гонениям, а в результате многие, не вынося эти дьявольских пыток, бросают свои родные насиженные места и бегут куда глаза глядят. Тем лучше для большевистских мучителей. На места ушедших они водворяют новое население, создают молочанские, еврейские и иные колонии.

Сила содому ломит. Как бы казаки не верили в свою силу, они обязаны учесть эту постоянную опасность, угрожающую их бытию. Сила большевиков еще велика, власть безгранична, их ненависть к казакам беспредельна.

Эта ненависть нашла выражение и в поэзии. Русский поэт Демьян Бедный в своем стихотворении называет всех казаков „дизачами“, „Продажная сволочь — казачья орда“... И дальше призывает русских крестьян идти войной на казаков:

„Убогие пахари, Флоры, Афоня,
Вставайте! Решается наша судьба:
Казачьи кони, казачьи кони
Крестьянские топчут хлеба!“...

Есть над чем задуматься казакам. Им надо ясно поставить себе вопрос: хотят ли они и впредь оставаться казаками, или же во имя „общечеловеческих идеалов“ они готовы отказаться от своих прав, от самих себя и даже от своего имени казака.

Но если нет, то надо согласиться с мыслью-решением: во имя действительно Вольного Казачества, а не придатка к чему-то воображаемому, мнимому, несуществующему, любой ценой свергнуть большевиков, помня, что хуже не будет, и, не задаваясь непосильной целью спасти „Великую Россию“, крепко построить свой Казачий Дом.

Пусть себе „русские казаки“ кричат, что это — враги русского народа! Каждый честный человек поймет, что это ложь. Никогда ни один казак не называл тех русских крестьян, совокупность которых составляет русский народ, папачами, сволочью, как называет русский поэт Д. Бедный всех казаков.

Но казаки могут и будут врагами того русского национализма, занимающегося самолюбованием, самоугождением, желающего покорить „под номи своя“ все народы... Но это будет не вражда к русскому народу, а только, по закону природы, естественная защита самого себя от нападения внешних, наступающих сил. Казачество будет так защищаться не только от русского народа, но и от всякого другого, кто посягнет на его угол, на его жизнь.

Пусть „русский казак“ и разной масти „патриоты“ кричат, что это призыв к войне с русским народом, но пусть же казаки знают, что эти крики — ложь, клевета на Казачество и на течение „Вольного Казачества“. Казаки никогда первые не объявили русскому народу войны, но защищались и будут защищаться от нападений.

Мы верим, что освобожденное, возрожденное, утвердившее свое собственное бытие, Казачество найдет

достойную форму для установления действительно братского сожительства не только с русским народом, но и со всеми другими.

И это действительно Свободное, Вольное Казачество, наравне с другими народами будет делать и общечеловеческое и общеславянское дело, ибо „Malost pevuđiće svđetovost“ (президент Массарик — Послание к народу).

В. Куртин.

Казаки замолчали.

Кубань в большевизмском зеркале.
№ 22 „В. К.“.

Так т. Лисовий, обехавший станицы „Красной Кубани“, закончил свои „путевые записки“:

— Казаки замолчали...

Не поют больше. И, конечно, удивляется совкор:
— Удивительно — не слышно песен.

Даже на улице не показываются:

— Либо дома сидят, либо в поле.

А почему? Тов. Лисовий не говорит. Не хватило смелости. Ибо не знать — почему казаки не поют, не выходят на улицу — не мог.

Казак поет, когда ему хорошо, когда он весел, здоров, доволен. Поет он и в неволе. В кайданах. Прикованный к веслам и скамьям турецких галер. Поет и на далекой чужбине. Иной раз, быть может, и всплакнет под песню.

Что-ж, не грешно и всплакнуть. Вился. Осилел. Угнан далеко от „товариства“, од дому...

Иль сломила сила, иль напоролся на более ловкого. Но — в честном бою. Теперь выжидай случая удрасть. А пока этот случай подвернется — прислухайся... Бо придется рятувати. Ну і заспіва, заплаче иногда бідолага. — От тоски-ли по дому, от нахлынувшей ли вдруг надежды „до дому“.

А может ли казак там петь теперь? Когда он в своем доме не казак, не хозяин. Когда на каждом шагу встречает красную мразь, от одного вида которой у него з души верне...

Ну и замолчали. А это вернейший признак: не покорились, не сжились. Закусили губы. Затаяли думы. Не разменивают дух казачий: берегут его. Не убаюкивают себя песнями. Слезы и причитания облегчают боль, примиряют с совершившимся.

Казаки на Кубани замолчали. Ибо не примирись... А из всего того, что т. Лисовий увидел на Кубани, даже через красные очки свои, выходит яснее ясного, что казаки с красной действительностью не примирятся никогда. За это говорят и их молчанье, которое куда красноречивее „огненных плаголов“.

Не хотят видеть этого (но прекрасно это знают) только красные совидцы. Истинные — совпатриоты!

Даже и те, с более крепкими желудками, что могли переварить разговор с совкормом, не подзакивали славаго.

— Ну, как живете? спрашивает, улыбаясь, товарищ, ожидая, конечно, восхваления советскому раю.

А казак — бух:

— Раньше лучше было.

Товарищ „корреспондент“ в этом месте, конечно, еще „смягчил“.

— Какой национальности?

— Кубанский казак.

Здесь уж нет места „смягчению“. Ибо если бы т. Лисовий захотел „смягчить“, пришлось бы написать: „Казаки о своей национальности вообще не говорят, значит — и не имеют ее“.

Как в другом месте он утверждает (как совисторик), что казаки не знают своей истории, — т. е., не имеют ее. Это „историческое открытие“ равносильно тому, как если бы кто утверждал — раз человек не знает свою мать, значит — и не имеет ее.

Что же „красного“ на „Новой Красной Кубани“?

Да ничего, кроме ГПУ, комиссаров и совкоров... И „новой формы советского хозяйства“.

„Сознательные казаки“ (т. Лисовий сам говорит, что таких большинство — „преобладающее большинство“) имеют свой, казачий взгляд на Кубань и на ее политическое устройство. Этот взгляд, как оказывается, совершенно тождественный со взглядом Вольного Казачества в эмиграции. И для казаков на Кубани и для казаков в эмиграции цель, (взвеса их политических стремлений) ясна и определена: закрепление и уважение на веки веков Кубанской отделенности.

„Мутного“ здесь — „вода Кубани“ и „голова совкора“.

А что за иногородних говорят?... Тов. Лисовий, вероятно, забыл, что сам-же раньше написал:

— Большинство иногородних (он говорит „беднота“, а кто же ныне богат на Кубани?) стоит за старые казачьи порядки. —

Что-же тогда господин коммунист не понимает, когда, по его-же собственным информациям, и большинство казаков и большинство иногородних во „внутренних делах“ стоят за казачьи порядки? А в делах внешних: свободная, независимая Кубань в союзе (конфедерации) с такой-же свободной и независимой Украиной.

„Сумбура“ же и „неразбериха“ накопилось много не только на Кубани, но и на всем пространстве, называемом ныне СССР. Словом, всюду, куда проникла баццила неразберихи и сумбура. (Одна из тех баццил — и сам совкор Лисовий)...

— „Какие же изменения принесла революция на Кубани?“ — Задаст себе т. Лисовий вопрос, подводя, с позволения сказать, итоги советизации Кубани. И сам-же отвечает:

— Кубань политически развенчена... центр Края перенесли в Ростов...

Эка беда какая, что советские чиновники переселились в Ростов! И хорошо сделали. — Для обеих сторон выгоднее: казаки меньше мрази видят у себя дома. А коммунистам безопаснее — удирать ближе будет, когда казаки заговорят.

А чтобы было т. совкору ведомо, напомним. — Никакой революции Кубань против своего Атамана и Правительства не производила. Но была завоевана, хлынувшей из Москвы красной нечистью.

Второе „изменение“:

— Произошли огромнейшие изменения в социальном положении станицы и в ее экономике.

Какие „изменения“ в социальном положении, товарищ не поясняет (известно: ГПУ). А в экономике? — „Хлебная фабрика... обратилась в Край с незначительным вывозом“ (вернее — выколачиванием). Богатейший Край с „застарелой формой дореволюционного хозяйства“ обратился (с советской формой хозяйства) в беднейший.

Вывод? — „На пути нового расцвета (?) Края“... лежит как раз та застарелая форма хозяйства, при которой Край был богатейшим...

Действительно рассудку вопреки!

... — Молодежь по новому за землю берется... А от этого „нового“ (новая форма хозяйства) едоки сидят с голодовки зубами цокают. А товарищ Лисовий это цоканье называет „расцветом“... Каким-же „но-